

Dromi, S. M., Stabler, S. D. Moral minefields: How sociologists debate good science

University of Chicago Press, 2023. — 232 p.

Социология социальных и гуманитарных наук представляет собой молодую исследовательскую область, предметом которой становятся её собственная история, траектории развития, а также внутренние и внешние ограничения. Ключевая методологическая трудность здесь связана с необходимостью рефлексивного анализа: учёным приходится изучать самих себя. В отличие от подходов STS или мертоновской социологии науки, это порождает проблему повышенной ответственности за этичность подобного исследования. С одной стороны, существует риск утраты критической дистанции, когда предметом изучения оказывается собственное профессиональное сообщество. С другой — такая работа чревата ухудшением отношений с коллегами и может негативно сказаться на академической карьере. Именно поэтому значительная часть работ в данной области относится к истории дисциплин. В эту традицию вписывается и работа Шая Дроми и Самуэля Стаблера «Моральные минные поля».

О чём книга?

Книга является амбициозной попыткой переосмыслить социологию как дисциплину. С точки зрения авторов, её история предстаёт как арена постоянных дебатов, где учёные борются за монополию на легитимное видение истины (С. 14–15). Источником конфликта выступают фундаментально различные представления о том, куда должна двигаться наука: какие методы, темы и результаты считаются приемлемыми, что находится под запретом, какую ответственность и перед кем должен нести исследователь. Таким образом, в основании социологии лежат моральные суждения о правильном и вредном, справедливом и несправедливом (С. VIII–IX).

Книга Дроми и Стаблера строится на нескольких взаимосвязанных теоретических предпосылках. Во-первых, авторы исходят из прагматистского взгляда на мораль: не как на набор глубинных личных убеждений, а как на публичный, коллективно разделяемый ресурс — набор культурных «репертуаров» для обсуждения общего блага (С. 5). Во-вторых, они отвергают «логику подозрения», стре-

мьясь понять не скрытые интересы или структурные детерминанты позиций учёных, а смысл их явных заявлений (С. 6). В-третьих, они занимают нормативную позицию, считая ценностный плюрализм и моральные дебаты не патологией, а источником дисциплинарного развития (С. VIII-IX). Исходя из этого, не пытаясь установить единый моральный порядок, авторы смещают фокус на изучение разнородных культурных репертуаров, к которым апеллируют учёные в академических спорах. Таким образом, ключевым объектом их анализа становится не содержание научных исследований как таковых, а метакоммуникативные высказывания — то, как социологи обсуждают, обосновывают и критикуют работы друг друга, на какие ценности они при этом ссылаются (С. 13).

В качестве аналитического инструмента Дроми и Стаблер, по аналогии с «градами» (*cités*) Люка Болтански и Лорана Тевено, разрабатывают модель семи «моральных репертуаров» (С. 24). В первой главе они дают их краткое описание, иллюстрируя их применение на примере дебатов о секуляризации в социологии религии. Каждый репертуар предлагает свою логику обоснования ценности исследования: репертуар эффективности (*efficiency*) акцентирует внимание на точности, фактах, методологической строгости; сетевой (*network*) репертуар ценит сотрудничество как внутри дисциплины, так и вовне; укореняющий (*anchored*) репертуар исходит из того, что нужно уделить больше внимания непредставленным группам; харизматический (*charismatic*) репертуар апеллирует к авторитетам, к академическим влиятельным фигурам; гражданский (*civic*) репертуар концентрируется на решении проблем в обществе, например, неравенстве или расовой дискриминации; репертуар рыночной привлекательности (*marketability*) требует от исследования быть полезным для рынка, находить источник финансирования; и, наконец, репертуар креативности (*creativity*) видит высшую ценность в инновациях и оригинальности (С. 22–24).

Методологическая оптика авторов, синтезирующая прагматистский и культурсоциологический подходы, определяет высказывание (*utterance*), а не устойчивую позицию актора или школы, в качестве единицы анализа (С. 24). Это позволяет проследить, как в ходе конкретных исторических споров учёные переключаются между репертуарами. Основное допущение книги заключается в том, что социологи способны к такому свободному моральному маневрированию, используя разнородные репертуары как инструменты для обоснования, критики и поиска инновационных путей в условиях конфликта. Необходимо также упомянуть, что репертуары исторически сконструированы и указанные семь репертуаров отражают динамику в американской социологии (С. 25). Дроми и Стаблер не стремятся описать всю мировую историю дисциплины и честно признаются, что в других странах могут возникать другие репертуары (С. 11).

Во второй главе авторы вводят понятие «запретных зон» (*po-go zones*) — этически сложных областей исследования. Несмотря на то что запретные зоны должны были бы отпугивать ученых, Дроми и Стаблер убедительно доказывают, что социологи вовлекаются в сложные темы, а не замалчивают их (С. 68). На примере исследований о взаимосвязи расы, генетики и интеллекта социологи обращаются к режимам вовлечённости (*modes of engagements*) — термин Люка Болтански, которые выводят четыре типа реакций на спорные исследования (С. 45). Рассмотрим эти реакции на конкретных примерах.

В 1965 году Даниэл Патрик Мойнихэн выпустил скандальный доклад, в котором связывал бедность афроамериканских сообществ с разрушением традиционной семейной структуры и установлением матриархата (С. 49). Его работа вызвала жёсткую критику (С. 50), примеры которой можно отнести к одному из четырёх типов:

- Отвержение (*rejecting*) предполагает, что существует лишь одна верная моральная интерпретация, а все прочие должны быть исключены из обсуждения. Например, Дороти Робертс и Трой Дастер полностью отвергли использование генетики в исследованиях, считая, что это лишь усиливает расизм (С. 50–52).
- Игнорирование (*ignoring*) означает, что исследователи делают вид, будто этических проблем не существует, и продолжают заниматься «нормальной наукой». Так, часть научного сообщества, ратующая за использование генетических данных, просто не обращает внимания на критику коллег (С. 55–57).
- Несогласие (*disagreeing*) — это готовность вступить в дебаты, используя альтернативные моральные репертуары для создания конкурирующих интерпретаций. Например, Орландо Паттерсон и Уильям Джулиус Уилсон настаивали, что для изучения афроамериканских гетто необходимо учитывать культурный контекст (С. 52–55).
- Создание солидарности (*solidarity-building*) признаёт возможность разных точек зрения и призывает к диалогу. Яркий пример — специальный выпуск журнала *Nature*, посвящённый сотрудничеству между генетиками и социологами (С. 57–58).

Третья глава анализирует, как исследователи национализма столкнулись с мощной критикой со стороны социологов-космополитов, которые характеризовали национализм как устаревший и сугубо вредоносный феномен (С. 75–76). Чтобы сохранить научную легитимность, учёным пришлось прибегнуть к частичной реформе — изменить моральные обоснования своей работы, не отказываясь от её базовой программы. В конце XX века обвинения в «методологическом национализме» — молчаливом принятии мира национальных государств — звучали всё громче. Однако критика не подавила интерес к этой теме, а, напротив, подтолкнула учёных к использованию различных моральных репертуаров. Например, Лия Гринфелд утверждала,

что нация может быть основой гражданских прав и социальной солидарности, что является апелляцией к репертуару укоренённости (С. 79). Таким образом, несмотря на доминирование космополитических воззрений в социологии того периода, исследователи национализма не только не сошли со сцены, но и, переформулировав моральные основания своей работы, вернулись в научную дискуссию с новой силой.

В последней главе исследуется стратегия, которую социологи применяют, когда их область знаний заходит в моральный тупик. Если затяжные споры вокруг определённой проблемы не приводят к разрешению, они могут спровоцировать радикальное переосмысление (*reconstitution*) самого исследовательского вопроса (С. 91–92). В отличие от частичной реформы, здесь происходит смена исследовательской темы, а не просто корректировка методов. На примере демографии авторы показывают, как это работает. С начала XX века учёные скрупулезно сопоставляли заявленные репродуктивные намерения женщин с фактическим числом рождений. Несмотря на постоянное совершенствование методологии, учёные наблюдали разрыв между намерением и реальностью на протяжении десятилетий. Вместо того чтобы бесконечно обсуждать этот разрыв как методологическую ошибку или проблему прогнозирования, новая волна исследователей предложила переосмыслить его значение. Разрыв стал интерпретироваться не как «шум» в данных, а как ценный культурный и исторический сигнал — показатель меняющихся норм, жизненных обстоятельств или коллективных травм (С. 114–118). Таким образом, учёные вышли из тупика, сменив саму цель исследования. Это позволило превратить непреодолимое противоречие в источник новых плодотворных вопросов.

Что такое прогресс науки?

В заключительной части работы авторы формулируют свой взгляд на то, какой должна быть социология, и доказывают, что моральный плюрализм не только не вредит дисциплине, но и способствует её развитию. Именно здесь возникает одна из проблем исследования Дроми и Стаблера: авторы не дают чёткого определения тому, что они понимают под улучшением, развитием или инновацией в науке. Хотя книга вступает в полемику с влиятельными работами по социологии социальных и гуманитарных наук, где проблема приращения знания является центральной (С. 5–6), в «Моральных минных полях» этот аспект не получает систематического рассмотрения.

Тем не менее из разрозненных отрывков можно реконструировать авторскую позицию. Так, в начале четвёртой главы Дроми и

Стаблер, обращаясь к Томасу Куну, описывают, как смена парадигмы позволяет науке преодолеть кризис. Далее они напрямую связывают эту теорию с изменением морального репертуара:

«Если Кун фокусировался на кризисах, возникающих из борьбы учёных за объяснение загадочных эмпирических феноменов, то кризисы также случаются, когда исследователи расходятся во мнениях относительно морального обоснования своей работы. Действительно, в этой главе мы концентрируемся на одной из стратегий, которую ученые используют для продолжения исследований перед лицом кажущихся неразрешимыми моральных противоречий в их области. Мы называем этот манёвр переосмыслением (reconstitution)» (С. 91).

Оставим за скобками вопрос о том, допускал ли Кун мультипарадигмальность науки и считал ли он, что новая парадигма полностью вытесняет предыдущую [подробнее см.: Фуллер, 2020; Eckberg, Hill, 1979]. Из контекста книги становится ясно, что для авторов изменение морального репертуара само по себе равнозначно развитию науки. С одной стороны, в логике прагматизма, на который они опираются, любая практика может считаться улучшением, если она позволяет решить конкретную исследовательскую задачу. Однако возникает вопрос: что считать успешным решением? Достаточно ли смены репертуара, или для признания прогресса необходимы дополнительные условия?

Проиллюстрируем эту дилемму примером. Студент пишет работу о протестах 1968 года во Франции. На конференции он представляет своё исследование. Один из слушателей обращает внимание, что в выступлении не упомянут Пьер Бурдьё, и критикует студента с позиции харизматического репертуара. После конференции студент дополняет обзор литературы параграфом по «Homo Academicus», но никак не пересматривает свои выводы и аналитическую рамку. Можно ли считать, что работа стала лучше и благодаря критику произошёл прирост научного знания? Если ответ отрицательный, то каким именно образом апелляция к харизматическому репертуару может способствовать развитию социологии?

В другом отрывке Дроми и Стаблер утверждают, что научный прогресс возможен благодаря тому, что моральные репертуары позволяют разрешать противоречия:

«Наша цель состояла не в том, чтобы сделать „окончательное заявление“ о дебатах, которые мы здесь рассмотрели. Скорее, мы использовали их как ключевые примеры того, как инновационные социологические исследования используют различные моральные манёвры для решения противоречий. Многие из дебатов, которые мы здесь рассмотрели, будут не только продолжаться и усиливаться в ближайшие годы, но и, надеемся, породят плодотворные идеи о социологическом вмешательстве» (с. 123).

Из этого же отрывка становится ясно, что моральные противоречия не только не разрешаются, но, по мнению авторов, будут лишь продолжаться и усиливаться. Переосмысление не снимает противоречий, а смещает исследовательский фокус, позволяя избежать бесплодных дискуссий. Однако это отнюдь не означает, что старые исследовательские проблемы исчезают или теряют актуальность. Более того, сами авторы подтверждают это, начиная главу о расе с Герберта Спенсера (с. 47) и возвращаясь к схожим идеям при обсуждении сотрудничества социологии и генетики (с. 65–66).

Что остаётся за пределами морального репертуара?

Но главная слабость книги связана с её центральным концептом. Авторы сводят любые высказывания о дисциплине, исследованиях и т. д. к моральным репертуарам.

Хотя в нескольких местах они оговариваются, что не все высказывания являются моральными, ни одного примера подобных высказываний так и не приводится. Если вся метакommunikация сводится к моральным оценкам, то зачем вообще вводить моральные категории? Концепт, объясняющий всё, объясняет ничего.

Дальше авторы в нескольких местах объясняют, что репертуар эффективности также является моральным, хотя часть академического сообщества с этим не согласна (С. 9–10, 16, 39–40). Допустим, мы обнаружили фактическую ошибку в статье коллеги и указали на неё в личном разговоре. Согласно Дроми и Стаблеру, мы в этот момент апеллируем к репертуару эффективности, поскольку обращаемся к академической точности. Прагматистская предпосылка подразумевает отсутствие универсальных ценностей, но тогда читатель вправе ожидать, что авторы покажут сообщество учёных, для которого фактические ошибки в научных работах были бы хорошими, справедливыми или морально приемлемыми, и которые готовы отстаивать эту ценность в публичных дебатах. Напомню, что репертуары — это коллективно разделяемые ценности, к которым мы свободно обращаемся во время споров. Если таких сообществ не существует, то речь идёт об универсальной ценности, а значит, теоретическая рамка имеет изъяны и требует доработки.

Поскольку границы «морального» остаются неопределёнными, а понятие прогресса — расплывчатым, выводы книги начинают казаться тавтологичными. Если под моральными репертуарами мы понимаем всё, а прогресс зависит от изменений в моральных репертуарах, то кого может убедить вывод:

«Действительно, более продуктивное прочтение заключается в том, что социологи улучшили свою науку, создавая работы, которые преодолевают моральную узость, нарушают наши нормативные предположения или находят неожиданных союзников, перестраивая способы применения моральных рамок.» (С. 122).

Зачем нам читать «Моральные минные поля»?

Несмотря на ряд существенных недоработок, книга Дроми и Стаблера представляет собой эмпирически насыщенный труд, изобилующий примерами и демонстрирующий глубокое знание истории социологии и смежных дисциплин. «Моральные минные поля» оставляют благоприятное впечатление и пробуждают желание заглянуть в список литературы, чтобы глубже погрузиться в заинтересовавшие сюжеты. Это смелая попытка применить инструментарий французской прагматистской социологии к изучению собственной дисциплины, и во многом Шаю Дроми и Самуэлю Стаблеру это удаётся.

А. А. Суворов

Литература:

1. Фуллер, С. Кун против Поппера: борьба за душу науки / Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Канон+, 2020.
2. Eckberg, D. L., Hill, Jr. L. The paradigm concept and sociology: A critical review // American Sociological Review. 1979. P. 925–937.

Для цитирования: Суворов, А.А. [Рец.] Dromi, S. M., Stabler, S. D. Moral minefields: How sociologists debate good science. University of Chicago Press, 2023 // Пути России. 2026. Т. 4. № 1. С. 127–133.